

Дарья Зарубина, Вячеслав Бакулин

Лисий край

*Часть сборника
Любви все роботы покорны
(сборник)*

Дарья Зарубина
Лисий край

«ЭКСМО»

2015

Зарубина Д.

Лисий край / Д. Зарубина — «Эксмо», 2015

ISBN 978-5-457-82746-2

«Она убегала, изредка оборачиваясь и хохоча. Дразня, нарочно распая в нем древний инстинкт хищника. Плескался по ветру лисьим хвостом белый подол. Мелькали обнаженные ступни, взметая кровавые медяки осиновых листьев. И князь гнал свою добычу, гнал без жалости. Шел как зверь на манящий терпкий запах живого, животного, сладковатый и горячий. И страсть, темная и жадная, сродни ярости, застилала ему глаза. Как широколобый молодой гончий пес, летел он в хрустальной прохладе осеннего леса, ведомый лишь одним желанием – не выпустить из виду мелькающее впереди светлое платье и облако рыжих волос...»

ISBN 978-5-457-82746-2

© Зарубина Д., 2015

© Эксмо, 2015

Дарья Зарубина, Вячеслав Бакулин

Лисий край

Она убежала, изредка оборачиваясь и хохоча. Дразня, нарочно распаяя в нем древний инстинкт хищника. Плескался по ветру лисьим хвостом белый подол. Мелькали обнаженные ступни, взметая кровавые медяки осинового листья. И князь гнал свою добычу, гнал без жалости. Шел как зверь на манящий терпкий запах живого, животного, сладковатый и горячий. И страсть, темная и жадная, сродни ярости, застилала ему глаза. Как широколобый молодой гончий пес, летел он в хрустальной прохладе осеннего леса, ведомый лишь одним желанием – не выпустить из виду мелькающее впереди светлое платье и облако рыжих волос.

И странный, торжествующий звук, чистый и дерзкий, как звук охотничьего рога, вырвался из его горла, когда он понял, что ей не уйти. Лисичка вновь засмеялась, когда он рванул ее за плечи. Они покатались по траве, листьям. Влажные еловые лапы хлестали по лицу. Сцепились отчаянно, ни один до последнего не желая сдаться на милость победителя. Он навалился волкодавом, рвал ее рыжий мех. Она не уступала ему, с дикарским горловым рычанием норовя вцепиться в шею. И когда слепая, страшная страсть готова была превратиться в ярость, она поддалась. Подставила мягкое лисье горло под оскаленную пасть торжествующего противника.

И, подмяв под себя своенравную и лукавую жертву, князь уткнулся носом в огненные волосы, жадно вдохнул пряный запах пота и мяты. Она обвила его бедра ногами, и тонкое светлое платье пролитым молоком расплескалось по багряной и золотой листве. Звонкая прохлада до предела обострила все чувства. Ему казалось, он ощущает в этот миг всё – каждый золотистый волос, каждую клеточку горячей кожи, каждую родинку, темную и хищную, как глаз куницы. И владеет всем этим безраздельно.

Но это продолжалось лишь мгновение. Она с силой оттолкнула его, опрокинув на спину. Взгляд, еще миг тому назад полный сладостного обещания, искушения, янтарного меда, полыхнул властным огнем. И прекрасная всадница тотчас послала его в галоп, настойчиво диктуя свой первобытный ритм. Привычный властвовать, он рвался, сам не в силах дать себе отчет, чего больше желает – сбросить ее, подмяв под себя, или послушно следовать туда, куда она гонит его, подхлестывая, следовать, повинувшись движениям ее бедер и рваному ритму дыхания.

Вскрикнув, лесная чаровница упала ему на грудь, приникла, лапаясь, потерлась теплой щекой. Но он уже не верил этой обманчивой ласке. Он помнил ее горячий взор владычицы, ее хищные ноздри, ловившие его запах. Женщина – его женщина – прикусила губу, борясь с захлестнувшей волной наслаждения. И вид тоненькой алой полоски, следа укуса, под нижней губой, заставил его с шумом втянуть воздух в грудь, внезапно ставшую тесной.

Лесная хозяйка, лисья Астарта, лежала, приникнув к нему, тяжело дыша. Покорная и мягкая, как согретый солнцем мед. И он мучил и любил ее, неистово мстя за краткое владычество...

Солнечный луч вспыхнул в ее рассыпавшихся по листве волосам. Ветер, рванув полог облаков, бросился к земле, коснувшись ледяным крылом обнаженного плеча князя. Лисичка вздрогнула от холода и прижалась теснее, когда Мечислав подхватил любимую на руки, завернул в свой плащ и понес к хижине.

– Останемся здесь, под соснами, – прошептала Ванда, такая мягкая и обманчиво покорная, обнимая князя за шею, уткнувшись курносый носиком в ямку над ключицей. – Там, дома, я больше не буду Лаппэ. Мы с тобой уже не сможем быть вместе. Ты знаешь, лисы не

любят, когда мужчина входит в дом Лаппэ. Останемся здесь. Скоро солнце прогреет лес и станет теплой. Не хочу, чтобы ты уходил так рано...

Мечислав покрепче прижал к себе жрицу.

– Я не уйду. Ты же знаешь, я всегда честно исполняю долг князя. – Он усмехнулся, и в этом коротком смехе послышалась с трудом скрываемая боль. – Поэтому мой Лапекрасташ любим землей и лесными богами...

Ванда почувствовала тотчас. За десять лет учишься слышать даже произнесенное. Этому учат два самых строгих наставника – страх и любовь. Поэтому она тотчас уперлась ладонями в грудь князя и строго посмотрела ему в глаза, требуя ответа:

– Опустить меня на землю, Мечко! Немедля опустить!

Князь только рассмеялся и поцеловал сердитую складку между ее бровей:

– Не хочу, чтобы ты простыла, мое сердечко. Лисы не простят мне, если я не уберегу их хозяйку от простуды. Я прихожу к тебе в лес каждую новую луну. И ты ни разу не отвергла меня, а значит – мой край все еще под охраной богов.

– Не умеешь ты лгать, Мечко, – вздохнула Ванда. – И долг князя не только в том, чтобы в новолуние приходиться в мой лес...

Мечислав впился в ее губы поцелуем, не позволив договорить.

– Не могу я, счастье мое. Они могут требовать, чтобы я исполнил этот долг. Но ты – не требуй.

Ванда не произнесла ни слова. Огненная красота Лаппэ померкла, растворившись в знакомых чертах. Не Царица лис – Ванда смотрела на любимого глубокими серыми глазами. И Мечислав подумал, что знает каждую золотую искорку вокруг зрачка. Он и так знал, что она хотела сказать: князь должен взять жену – из хорошего рода, юную, способную родить нового правителя княжеству Лапекрасташ.

А он уже десять лет, с того самого момента, как первый раз шагнул в этот лес, знал, что не сможет стать мужем другой женщине.

Тогда, осенним днем, когда впервые сменилась луна после смерти отца, он пришел на поляну вместо него. Пришел еще не князем – но в надежде не опозорить рода и стать им. Сперва его встретила та, прежняя Лаппэ. Высокая сухая женщина с печальным лицом. Он тогда еще со страхом подумал, что нужно будет лечь с ней на ложе из листьев ради того, чтобы боги любили Лапекрасташ. По счастью, она не приняла его, как жрица князя, только поцеловала в лоб и попросила дожидаться ее возвращения. А потом привела за руку Ванду. Рыжую девочку с длинной толстой косой, что шлепала ее по пяткам, когда Ванда убегала в первый раз. Она заплакала, когда он догнал ее и схватил за руку. Закрыла рукавом лицо, а потом опустила руку и долго смотрела своими глубокими серыми глазами. Так долго, что лисы, которые обычно не подходили близко к священной поляне, одна за одной стали появляться из зарослей, обступая их.

Мелькнула страшная мысль – если она не признает нового князя, лисы прогонят его. Старейшины часто рассказывали, как лисья хозяйка не приняла князя Вроцека. Как он выбежал из леса – искушенный, в лохмотьях, проклиная лесную ведьму.

Потом старейшины убили его и возвели на престол князя Анджея, отца Мечислава. Анджею повезло. Он провел в лесу множество дней за двадцать лет. И матери даже не закрадывалась в голову мысль просить его не уходить по молодой луне на ковер из листьев. Этого требовала земля, княжеский долг, Лапекрасташ.

Мечиславу не повезло. Он не успел жениться до молодой луны. А после... забрала его сердце рыжая девочка Ванда. Лаппэ. Его Лаппэ. Огненная владычица леса. Робкая, податливая хозяйка его сердца.

От того, первого его прикосновения – грубого, охотничьего, властного – у нее на руке долго оставался след. Потом Ванда просила снова сжать ее запястье так, чтобы отпечатались пальцы. Но Мечислав вместо этого заказал у самого знаменитого во всей округе мастера браслет с лисьими знаками. Ванда снимала его лишь однажды – страшной осенью на третий год княжения, когда попросила передать старейшинам, что идет беда. Он не хотел брать браслета, но уже не Ванда – гордая непокорная Лаппэ повелела ему хранить при себе лисьи знаки и защитить свой край.

В ту осень на Лапекрасташ пришли северяне. Всю страшную осень и кровавую зиму он провел на границах княжества, много месяцев – вдали от лисьего леса. Сколько раз думал он, что не сможет вернуться, что больше не увидит ее. Это придавало сил. Но когда и этих сил не доставало – он думал о том, что будет, если северяне возьмут Лисий край. Представлял себе, как новый князь войдет в ее лес, прося милости у Лаппэ, спрашивая позволения занять престол. Лисий совет может заставить ее! Он помнил, как скалились рыжие, когда Ванда не решалась принять нового князя, как рычали и нетерпеливо тявкали, напоминая, что жрица только передает решение земли и лесного совета. Земля приняла властителя, и Лаппэ, послушная ее воле, должна позвать на ложе из листьев нового господина.

Вспыхивали перед глазами мучительные видения – его Ванда в объятиях северянина, непокорную воле лис Лаппэ гонит рыжая стая, и с лисьих клыков капает ее кровь... Ярость заставляла подниматься, даже когда не оставалось сил. А страх – поднимать меч.

Дураки те, кто думал, что князю Лапекрасташа не ведомо это чувство. У его страха было имя. У страха и любви оно всегда одно. Имя, что было написано на браслете, хранившем его в боях.

Та зима забрала многих, но оставшимся удалось выбить врага за границу лисьей земли, а когда северяне запросили мира – Лапекрасташ стал больше на несколько приграничных деревень. Мечислав уезжал наследником, сыном старого Анджея, а вернулся полноправным владыкой. Князем.

Ванда провожала его девочкой, а встретила женщиной. Он оставлял выросшую на опушке леса хрупкую зеленую веточку, а нашел золотой, налившийся соками колос. И эту новую Ванду полюбил еще больше, потому что из возлюбленной она за эти долгие месяцы разлуки стала родной.

Он едва не завел разговор на совете старейшин, что хочет взять в жены Лаппе. Ванда, как всегда, почувствовала все даже раньше, чем он успел осмыслить свои чувства и принять решение.

– Нельзя, Мечко, – проговорила тихо. Они, завернувшись в его плащ, лежали на груди листьев. Мечислав прислонился спиной к сосне, по которой медленно полз от нижних веток кроны по красному стволу широкий луч, янтарем подсвечивая капли смолы. Ванда прижалась к груди князя, нежно поглаживая пальцами кожу, проводя по краю ворота. – Лисы не позволят. Когда приводят в лес из деревни новую Лаппэ, она от всего людского отрекается. Я в четыре года отреклась, когда меня тетка Надзея от мамы забрала и перед лисами поставила. Не могу я уже вернуться к людям. Через меня теперь земля эта с тобой говорит. От нее я величайшее счастье в дар за служение получила – тебя и... твою любовь. Вдруг, если захочу вернуться, прогневается Лапекрасташский лес? Мы с тобой – ты и я, Мечко, за всех людей Лисьего края в ответе. Ты – мечом, я – наговором. А если прогневается лес – сам знаешь, что с ними будет...

– Знаю, – проговорил Мечислав и замолчал. Не решился сказать того, что крутилось в голове: – Не с ними. Знаю, что с нами будет. Прогневавшего землю князя старейшины развенчают, а потом свои же и убьют. А предавшую лис Лаппэ разорвет стая.

Было так. С тех пор, как погиб на охоте последний из рода исконных князей, не оставив наследника. Лисы привели чужака, тогдашняя жрица вывела его на поляну и назвала князем

Лапекрасташа, а растерянные старейшины чужака приняли и поклялись хранить верность тому, кого назовет владыкой земля.

С тех пор и приходится князьям из чужого рода то и дело возвращаться в лес, чтобы подтвердить – не передумала земля, принимает, хранят лесные боги Лисий край и его владителя. Одна беда – десять лет приводил Мечислава на ковер из листьев совсем не княжеский долг.

Трудно было, но чудесную, шальную мечту Мечислав почти забыл – загнал в душу так глубоко, что даже Ванда успокоилась. Разгладилась складочка между золотистых бровей. На долгих семь лет.

Жаль, таков закон жизни, а он выше всех законов княжеских – меняется все, как ни противься переменам.

* * *

Они сидели за столом друг напротив друга. В тусклом, прерывистом свете факелов волосы, бороды, брови старейшин казались клочьями седого болотного мха. Мечислав положил руки на стол, сплел покрытые шрамами пальцы.

Никто из старейшин не проронил и слова. Взгляды говорили. Князь читал в них досаду, горечь, разочарование отца, любимый сын которого, гордость и отрада, повел себя постыдно. Недостойно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.